

124. *Абашин С.Н.* Социальные корни среднеазиатского ислама // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М.Б. Олкотт, В. Тишков, А. Малащенко. М., 1997. С. 456.

125. Там же. С. 455.

126. *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М., 2004. С. 377.

127. Там же.

ГЛАВА XII

ОГОНЬ: АМПУА СУДЬИ И ПАЛАЧА

Феномен огня как наделенного одушевленными качествами и соответственно носителя многочисленных свойств возвращает в область, где во всю полноту разыгрывается драма человеческой жизни. От нее не уклониться в силу следующих образов этого природного элемента: а) исполнителя роли судьи и б) исполнителя осознанно выбираемой человеком роли палача, когда возникает необходимость вручить свою судьбу власти этой грозной стихии. В этих ипостасях огонь останавливает внимание на самом страшном, что можно вообразить себе в судьбе человека, и самом непостижимом уму. В первой роли пламя огня предстает как способ и мера испытания человека, когда необходимо доказательство его невиновности; ампуа судьи Божье обращает больше к мифам и преданиям. Роль палача делает эту стихию инструментом сознательного выбора — речь идет о добровольной смерти путем самосожжения. В условиях современной Центральной Азии к этой форме сведения счета с жизнью прибегают в основном девушки и молодые замужние женщины. Это является еще одним доказательством того, что огонь представляет собой «стихию» женщин и в этом качестве он неотделим от их мира.

По свидетельству современников, в кишлаках с таджикским населением один или два случая самосожжения женщин в несколько лет — почти обычное явление. Поиски сведений в этнографической литературе по народам региона желаемых результатов не дают. Есть данные медицины. Так, Д.М. Мухамадиев исследовал 192 случая «аутоагрессивных действий путем самосожжения, совершенных женщинами-таджичками <...> за период с 1980 по 1993 гг.». Им использованы материалы ожогового центра таджикского национального Министерства здравоохранения (182 случая) и бюро судебно-медицинской экспертизы того же Министерства (10 случаев). Установлено, что покончивших с собой в возрасте до 20 лет было 63 человека, от 21 до 30 — 94, от 31 до 40 — 22, от 41 до 50 — 5 и старше 50 лет — 8 человек. Из них 107 женщин состояли в браке к моменту совершения суицида, 79 были незамужними, 6 — разведенными. Умственным трудом были заняты два человека, физическим квалифицированным — 18, физическим неквалифицированным — 34 и не работали 138; доля горожанок явно преобладает — их 150 человек. Выяснилось также, что женщин «с истинными завершенными суицидами было 61, истинными незавершенными — 131».¹

Приведенные данные свидетельствуют о достаточной выраженности явления женского самосожжения в современной таджикской среде. Вместе с тем

возникает ощущение, что цифры немного занижены. Дело в том, что нередко родственники умершей в пламени огня хоронят ее «тихо», не уведомляя соответствующие структуры об истинных причинах смерти, руководствуясь побуждениями, о которых будет сказано немного ниже. Интерес к проблеме требует поисков ответа на два вопроса. Они связаны с побудительными мотивами девушки (женщины), которая избирает указанный способ расстаться с жизнью, а также с попыткой поиска возможных истоков такого страшного явления.

Что касается мотивов, которые ведут женщин по пути саможжения, то выясняется, что тут все довольно банально. Основная причина — неурядицы во взаимоотношениях между супругами, между родителями и дочерьми, возникающие из-за нежелания девушек мириться с родительским выбором жениха или из-за того, что девушки брачного возраста становятся жертвами обмана, когда женихи склоняют «своих избранниц» к половой связи, заканчивающейся в конце концов добрачной беременностью, к чему окружающие традиционно относятся негативно. В подобных случаях тень позора падает в основном на девушек и семьи их родителей. Поэтому в порыве сильного эмоционального переживания они предпочитают смерть.

Замужних женщин толкают на непостижимое уму решение семейные конфликты, особенно в неразделенных семьях с многочисленным составом всевозможных родственников. В любом случае поражает то, с какой легкостью женщины на Востоке порою распоряжаются своей жизнью. В одном из районов Кулябской области ученица девятого класса перестает ходить в школу. Одноклассники знают, что она влюблена и решила предпочесть замужество учебе. Но они делают вид, что ничего не знают, и идут к ней проводить, почему она не ходит в школу. Та в ответ решительно заявляет: «Оставьте меня в покое, уходите сейчас же! Иначе вот солярка, обольюсь ею, и в мгновение ока от меня ничего не останется». Интонация, с которой девушка произносит эти слова, не оставляет сомнений в серьезности ее намерений. Тогда одноклассники вынуждены молча ретироваться.

Конечно, было бы чрезвычайно интересно иметь под рукой данные относительно женской добровольной смерти путем, например, самоповешения или самоутопления. Но я не располагаю такими источниками. Такое впечатление, что к самоутоплению женщины прибегают в исключительных случаях. Причина такого отношения заключается в опасении, что к телу утопленницы могут прикоснуться «чужие руки» (*дасти номахрам*) или какие-нибудь части мертвого тела могут оказаться обнаженными. Один из персонажей «Воспоминаний» С. Айни рассказывает о двух случаях лишения девушками-подростками себя жизни путем самоповешения в Бухаре.² К этому способу добровольной смерти (как и в случае добровольной смерти утопленниц) женщины не прибегают также из убеждения, что тело умершей таким путем оскверняет среду обитания, включая вещи и людей. Другое дело огонь. Благодаря очищающему потенциалу его пламя ограждает окружающий мир от оскверняющего воздействия покойницы.

Выше говорилось об отсутствии в этнографической литературе по народам Центральной Азии сведений по рассматриваемому вопросу. Не следует ли интерпретировать это тем, что саможжение не было характерно для центрально-азиатского оседло-земледельческого общества в прошлом, что оно относится к специфике современной жизни? Есть основания думать, что

такое предположение неправомерно, поскольку многоженство как одна из основных причин женского самосожжения существовало всегда, как существовала всегда и практика выдавать молодых девушек замуж за пожилых, но влиятельных мужчин из корыстных побуждений.

Дело, видимо, в другом: факты женского самосожжения часто скрывались (и скрываются) от окружающих для того, чтобы оградить семью от нежелательных разговоров относительно «падения нравов», несоблюдения ее женской половиной одобряемых группой традиционных принципов и норм нравственности. По рассказам, когда случившееся не удастся скрыть, родственники принимаются распространять слухи об имевшем якобы место «психическом расстройстве», ставшем причиной добровольной смерти несчастной в огне. Наверное, поэтому Д.М. Мухамадиев при объяснении мотивов, которые двигают женщин к самосожжению, ссылается на их психическое состояние в предшествующий суициду период.³

Безусловно, что к самосожжению человека толкает тяжелое психологическое состояние. Между тем подобное поведение характерно почти исключительно для женщин: когда нужно покончить с жизнью, они выбирают «свою» стихию — огонь. Складывается впечатление, что в приведенном выше эпизоде из «Воспоминаний» С. Айни персонаж несколько переиначивает подлинный способ лишения бухарскими девочками себя жизни. Весьма вероятно, что и в данном случае имел место факт их самосожжения, а писатель рисует его как самоповешение. Но это предположение. Хотя, похоже, явление перерождения действительности для художественных повествований является общим местом.

Сошлюсь на эпизод из поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Этим я предпринимаю попытку прояснить возможные истоки рассматриваемого явления. Поэма дает представление о судейской роли огня, известной как *ордалии*. Героиня Фирдоуси Судабе, жена шаха Кей Кауса, восплаившая страстью к юному пасынку — Сийавушу, пытается склонить его к прелюбодеянию. Получив отказ, мачеха плетет ложное обвинение против юноши, утверждая, что тот покушается на ее честь. У шаха нет сомнений, что сын чист. Чтобы оградить царевича от домыслов Судабы, он по совету ученого старца принимает решение подвергнуть Сийавуша испытанию огнем. Возводятся два огромных костра; от их пламени «на земле светлее, чем на небе». Сийавуш, облаченный во все белое (с золотым венцом на голове) на скакуне вороном въезжает в узкий проход между кострами и невредимым при ликовании собравшегося народа выезжает из него.

Посмотрим на воплощение этого сюжета в живописи. В рукописной миниатюре XIV в., иллюстрирующей описанный эпизод, все (во всяком случае, по ряду характерных деталей) происходит наоборот. Если судить по чертам внешнего облика, на вороном коне восседает не юноша, а молодая женщина. Она изображена с двумя длинными косами, ниспадающими на грудь, а затем расходящимися в разные стороны: правая от предплечья — за гриву скакуна, левая, проходя по изгибу руки, достигает его хвоста; последний туго завязан ее концом.⁴ Этой выразительной деталью художник как бы подчеркивает свою концепцию. Она состоит в принципиальном отличии видения «факта» им от поэтической версии Фирдоуси.

Таким образом, перед нами две версии «действительности», которая касается практики испытания огнем: согласно поэту, суд Божий предполагает

испытание мужчины, согласно миниатюристу — женщины. Истина скорее всего посередине. Видимо, в свое «историческое» время *ордалиям* подвергались как мужчины, так и женщины. В любом случае, существование в иранском мире испытания огнем применительно к женщине отрицать не приходится.⁵

Еще у индоиранцев существовала практика испытания обвиняемых в нарушении данного ими слова водой или огнем. Один из способов испытания огнем проходил следующим образом: обвиняемый должен был пробежать по узкому проходу между двумя пылающими поленницами. Если несчастный оставался в живых, от имени Митры (божества договора) его объявляли невиновным.⁶

Героиня поэмы «Шахнаме» красавица Рудабе, влюбленная в Заля, властителя Забулистана, уверяет мать в том, что та напрасно допускает мысль о потере ею невинности во время тайной встречи с возлюбленным, приехавшим к ней в Кабул из Забулистана. Рудабе говорит матери: «Поверь, что меня не коснулся позор; / Встал, будто преградой, меж нами костер».⁷ Огонь выступает как ошеломляющая сила, олицетворяющая в символической форме свидетеля или даже стража нравственной чистоты.

В плане нашего интереса к сюжету об отношении «женщина — огонь» примечателен и другой пассаж Фирдоуси (правда, он относится к насильственной смерти в огне). Упомянутый Заль-воитель родился седым, из-за чего отец (Сам) велел отнести младенца к подножью горы Эльборз. Оставленного там новорожденного подбирает и воспитывает чудесная птица Симорг, живущая высоко в горах. Уже витязем Заль в разговоре с отцом укоряет его за жестокость, проявившуюся в том, что он бросил мать-роженицу в костер за то, что она родила его (Заля) седовласым.⁸ Этот пример свидетельствует о том, что и в случае насильственной смерти огонь и женщина идут, так сказать, рука об руку.

Иллюстрацией мотива *ордалий*, уже знакомого нам по практике индоиранцев, является любовно-романтическая поэма Фахр ад-Дина Гургани «Вис ва Рамин» («Вис и Рамин», XI в.).⁹ В этом памятнике ираноязычной литературы, связанном, по мнению специалистов, с доисламской эпической традицией, повествуется о задуманном, но несостоявшемся испытании огнем («с целью религиозного очищения»)¹⁰ юной красавицы Вис.

Ее выдают замуж за престарелого мервского шаха Мубада. Тот ей ненавистен, поэтому она отвечает взаимностью на любовь Рамина, брата Мубада. Изобретательная Вис хитроумно наставляет «рога» Мубаду, отдавшись безмятежным утехам с Рамином. Но связь их в конце концов становится известной. Вис упорно отрицает упреки Мубада в измене. Тогда владыка предлагает Вис в доказательство своей безгрешности пройти сквозь пламя костра. Вис притворно соглашается. Но «когда костер взметнулся, как живой, / когда луны коснулся головой»,¹¹ Вис, улучив момент, бежит (вместе с Рамином) в город Рей.

Логику повествования понять нетрудно. Героиня отказалась от предложения Мубада «взойти на костер», во-первых, потому, что это связано с риском для жизни, во-вторых, она не желает притворно доказывать свою невинность, проходя сквозь пламя костра, ибо этим она осквернила бы огонь — одно из основных божеств тогда еще не до конца утраченной доисламской веры зороастризма¹².

В плане рассмотрения интересующей нас проблематики привлекательность поэмы «Вис и Рамин» состоит, таким образом, в том, что в ней находит отра-

жение древнее представление иранских народов об огне как средстве испытания нравственной чистоты женщин. Как повествует коранический рассказ, жены Нуха и Лута упорствовали в своих заблуждениях, за что «им было велено войти в Огонь» (Жоран, 66:10). В свете изложенных данных можно строить предположение относительно исторически давних истоков, к которому восходят мотивы вхождения жен Нуха и Лута «в Огонь». Складывается впечатление, что этот акт преследовал ту же самую цель испытания нравственной чистоты женщин.

Возьмем поэму Абдурахмана Джами «Саламан и Абсаль», повествующую о печальной истории любви царевича Саламана и его кормилицы Абсаль. Влюбленные, утратившие надежду на счастье из-за нежелания отца юноши согласиться на их брак, впадают в отчаяние и в конце концов уходят в пустыню «за смертью». Саламан разводит огромный «как холм» костер, чтобы сгореть в его пламени вместе с Абсаль.

Влюбленные входят в него. Но подоспевший шах «лучом мысли» спасает царевича, который выходит из огня очищенным «от примеси нечистого всего», а Абсаль сгорает в костре. Считается, что источником для создания своей поэмы Джами выбрал арабский перевод греческой версии романа Хусейна ибн Исхака (809–873). Там царь запрещает сыну Саламану любить кормилицу по имени Абсаль, из-за чего они оба бросаются в морскую пучину. Саламана спасают, Абсаль погибает (ср. русалку-утопленницу в славянской традиции).

Сказанное о мотиве «женщина — огонь — смерть» в классической поэзии на *фарси* напомнило о недавнем моем приобретении современной свечи в виде довольно массивной статуэтки. Как пояснили специалисты-слависты, это изображение соломенной куклы-женщины славянского культурного круга XIX — начала XX в.; куклы/чучела подобного рода, называвшиеся Купалой или Марой, жгли в священном костре (или топили), например, в ночь на купальские праздники. Как мне кажется, свеча-«Мара» (ее конструкция позволяет ей стоять без подсвечника), которой суждено сгореть полностью (к слову сказать, в литературе имя *Мара* связывается с древнеславянским глаголом *маритъся/уморитъся, умирать*)¹³ и судьба упоминавшихся литературных героинь, в том числе и героини Джами, сгоревшей в пламени костра, схожи друг с другом. Центральной идеей, их связывающей, как я склонен думать, является понимание вопроса об отношении «женщина — огонь/свет». Такая трактовка несколько проясняет пока еще не вполне понятные стороны интересующего нас странного явления, каким предстает самосожжение женщин на Востоке.

«Странность» явления скрыта в его культурном релятивизме: как известно, ислам выступает категорически против любой формы добровольной смерти; мусульманин, оборвавший свою жизнь, на том свете попадает в ад (*Дузах*).

Возникает вопрос, почему женщины сознательно выбирают себе *Дузах*, считая приемлемым распорядиться своей жизнью. Это трудный вопрос пока остается без ответа и ждет своих исследователей. Следует повторить, что высказываемые автором суждения о мотивах женского самосожжения носят сугубо предварительный характер; при отсутствии работ, на которые можно было бы опираться, на большее пока рассчитывать не приходится.

Представляется, что обращение, например, Джамии к греческому художественному наследию не только дань поэтической традиции. Привлекательность поэмы, относящейся к шедеврам творческого наследия Джамии, состоит в том, что в ней повествуется о неуходящем реальном, о том, что, по нашему мнению, идет «от начала времен». Джамии узрел эту страшную этнографическую действительность и облек ее в тонкую поэтическую форму. В спасении Саламана от сгорания в костре и гибели в его пламени Абсали заключена идея не до конца разгаданных нашей наукой особенностей мира восточной женщины. Поэт и знаток традиционной культуры ираноязычных народов «лучом мысли» постулирует концепцию, согласно которой в его среде (в отличие от греческой), когда речь идет о добровольной смерти, женщины выбирают не воду, а огонь¹⁴.

Конечно, было бы неверно «взваливать» на мастера художественного слова обязанность отвечать на вопрос, на который вряд ли сумеет с достаточной уверенностью ответить даже этнограф, пытающийся понять мотив такого выбора. Истоки лишения женщинами себя жизни в огне в такой исторической давности, куда наши взоры не способны проникнуть. Весьма вероятно, что суицид женщин и древний обычай принесения в жертву богам девушек как-то связаны. Здесь ограничимся эпизодом из известного предания о жизни св. Георгия Победоносца.

Предание повествует о его победе над чудовищным драконом и, таким образом, об освобождении царевны от неминуемой смерти. Легенда рассказывает, что в озере в окрестностях города в Палестине поселился страшный дракон, который похищал и губил людей. Чтобы умиловить дракона, жители города стали приносить ему в жертву своих детей. Дошла очередь и до царской дочери. Ее облачили «в багряницу», украсили, как невесту, и отправили на берег озера. Царевна с плачем ожидала ужасного конца. В это время Георгий, возвращаясь с «брани», проезжал мимо озера и заметил девушку, «бьющую перси и власы терзаще». В конце концов он спасает девушку от гибели.¹⁵

Этот эпизод довольно созвучен драме, связанной с сестрами, носившими имена главных христианских добродетелей — Веры, Надежды и Любви. Сестры отказались от уговоров отречься от веры во Христа. Тогда по приказу императора Адриана их пытались сжечь на костре. Но огонь не причинил телам святых мучениц никакого вреда. В православной русской житийной литературе можно найти множество страдалиц, умерших мученической смертью в огне из нежелания поклоняться идолам.

Предание из другой — иудаистской — традиции гласит, что военачальник (и судья) израильтян уроженец Галаада Иеффай, отправляясь на войну против воинственных аммонитян (ок. 1243 г. до н.э.), дал перед всеми торжественный обет: если Иегова предаст аммонитян в его руки, он принесет ему в жертву всеожжания первое, что выйдет к нему навстречу из его дома. Когда после успешного похода он вернулся к себе в Массифу, «навстречу ему с радостными песнями и плясками вышла дочь его, *кроме которой он не имел детей* [курсив мой. — Р.Р.]. При виде ее отец разорвал на себе одежды и воскликнул: «О, дочь моя! Как сокрушаешь и печалишь ты меня! Я дал обет Господу и не могу не исполнить его». Испуганная дочь отвечала: «Отец мой, если ты дал обет Господу, то поступи со мной по обету твоему»

<...> Исполненная печали, просила она позволения отправиться в горы и пробыть там два месяца, чтобы оплакать с подругами девство свое. Она пошла в горы и, исполняя слово свое, вернулась через два месяца, чтобы умереть позорной смертью на костре». После гибели дочери Иеффая вошло в обычай, чтобы еврейские девушки четыре дня в году оплакивали прекрасную, юную, невинную и чистую Яалу, безропотно ставшую жертвой жестокого обычая.¹⁶

Приведенные примеры относятся не к добровольной, а к ритуальной (или близкой к ритуальной) смерти. В случае с Яалой факт насилия мотивирован религиозной целесообразностью: девушка, которая безропотно принимает муки смерти в огне, приносится в жертву Богу. Значит, когда-то существовала практика сожжения лиц женского пола для умиловивления богов. Заметим, что в рассказе о Яале относительно сожжения девушек говорится как о жестоком обычае. Не этот ли далекий «жестокий обычай» послужил импульсом к сожжению англичанами в 1431 г. на костре Орлеанской Девы Жанны д'Арк, обвиненной церковным судом в ереси? (Хотя тогда в Европе сжигали и мужчин.)

Косвенным подтверждением обычая ритуального сожжения женщин и/или девушек служат упоминавшиеся выше куклы-женщины, которых жгли во время календарных праздников у народов славянского мира.

Известно и то, что в славянско-русской традиции на исходе «макушки лета» (первое воскресенье после Петрова дня) сжигали куклу Лады — воплощение весны и летнего плодородия; она еще известна как богиня любви и красоты.¹⁷ Очень похоже, что и книжная традиция (версия Джамии), повествующая о Саламане и Абсали, представляет собой отголоски сценария какого-то подобного ритуала, ставшего мифом.

Относительно добровольной смерти женщин в огне некоторую пищу для размышлений дает зороастрийский миф, повествующий о том, что первый человек и первый праведник Гайа Мартан (среднеперс. Гайомарт, в «Шахнаме» Фирдоуси — Каюмарс) «умер с пользой для торжества вселенского Добра <...>: он по справедливости отдал себя Анххро Майнью»¹⁸, создавшему смерть в мире. Другими словами, Гайомарт добровольно отдает себя (свое тело) для жертвоприношения на благо порядка во Вселенной.

Миф, отражающий мотив «жизнь — смерть — жизнь», содержит намек на достижение святости путем добровольной смерти. Он позволяет понять (в известной мере) побудительные мотивы интересующего нас самосожжения женщин. Следует сказать, кроме того, о древнем обычае трупосожжения, еще сохранившемся, например, в соседнем с иранским культурном ареале — в Индии. Там, овдовевшие женщины свое горе выражают тем, что добровольно идут на погребальный костер мужа.¹⁹ Этот обычай именуется *самти*.²⁰ Элизабет Зехентер, говоря о реалиях Индии, указывает, что здесь недавно принят закон, запрещающий общеизвестное *самти*; но из-за стремления общин защищать *самти* федеральным надзирающим органам трудно собирать необходимые улики против незаконопослушных. Многие из раджпутов (как женщины, так и мужчины) защищают эту практику. Они ссылаются на культурный релятивизм, мотивируя это тем, что *самти* является их древней традицией.²¹ Предполагается, что подобный обычай был известен и на территории Восточной Европы — на пути продвижения протоариев в Индию.²²

Из привлеченных сведений о специфике отношения таджикских женщин к огню становится вполне ясно, что с добровольной смертью девушки (и/или женщины) «умирает» и ее (с нею ассоциирующийся) огонь. Вместе с этим гаснет и ожидание формирования будущего семейного образования, поскольку женщина и огонь — неразрывные части единого целого, поскольку огонь — основное условие создания и существования дома и семьи.

Добровольный отказ от самого дорогого — от жизни — для «слабого пола» означает, таким образом, отказ от права обладания и управления будущим семейным огнем. Этот бунт, в свою очередь, может означать потаенную в глубине сознания идею, что женщина освобождает себя от ожидания ответственности за судьбу «своего» огня, за его будущность на земле.

Вероятным объяснением отказа женщин от жизни путем выбора добровольной смерти именно в огне может быть воззрение об изначальной чистоте этой «женской» стихии, которая, как помнит читатель, мыслится и средством очищения: смерть в огне делает мертвое тело очищенным чистейшим элементом природы; кроме того, бросаясь в огонь, женщина мысленно предает себя власти боготворимой ею стихии, которая уносит ее душу к Престолу Божиему. Конечно, все подобные воззрения берут свое начало в области подсознания, куда человека обращают экстремальные ситуации.

Намеренный отказ от жизни посредством самоожжения может быть объяснен и уходом лиц женского пола в «свою» религию. Есть много сведений, что представление о приходе души *шахида* к Богу вызывало и вызывает стремление отдельных верующих мусульман удостоиться этой чести. Хотя правоверные богословы сдерживают «такое стремление, в ряде случаев приравнивая намеренную гибель к осуждаемому исламом самоубийству»²³.

Весьма вероятно, что на каком-то этапе исторического развития «религия женщин» была и протестной, отстаивавшей принципы древних религиозных традиций. Самоожжение, видимо, связано также с остатками давних представлений о сакральной персонификации пурифицирующего огня: выбирая огонь для добровольной смерти, женщина оказывается во власти Атар и этим обретает жизнь в Обители Блаженных. Как известно, у авестийцев существовало представление о сакральной персонификации огня в лице Атар (среднеперс. Адур), сына верховного бога зороастрийцев (Ахура-Мазда) (ср. Агни как персонификацию огня в индоевропейской сакральной традиции), которому, как было сказано выше, адресовались молитвенные формулы.

В литературе приводится зороастрийский миф о том, что Заратуштра (Зороастр) спросил Ахура-Мазду: «Что имеет большую ценность — телесный мир или Атар, Огонь Ахура-Мазды?». Ахура-Мазда высказывается в пользу неоспоримой ценности Атар, «тысячеубивающего дэвов бесплотных».²⁴ По мифу, Атар — священная огненная стихия. Она ценнее телесного мира, ибо без огня не мог бы существовать и мир. Ахура-Мазда говорит: «Я сотворил Огонь из собственного разума, а его сияние — из Бесконечного Света Анагранам Раучама».

В священных зороастрийских текстах имеется эпизод, когда перед сотворением мира Ахура-Мазда совещался с «Бессмертными Святыми» (*Амеша Спента*). При этом присутствовал и Огонь. Плача и рыдая, он просил не создавать его в телесном мире, не давать ему материального воплощения: ведь если будет создано пламя, люди станут неподобающим образом с ним обращаться, осквер-

нять его и сжигать в нем мусор. Выслушав все жалобы, Верховный Бог спросил «Бессмертных Святых»: «Что же лучше — сотворить мир или обречь огонь?».

Они решили, что мир должен быть сотворен и, значит, нужно создать материальное воплощение Огня. Огонь воспротивился было этому решению, и тогда ему было сказано устами Творца, что «всякий, кем (Огонь) будет недоволен, попадет в ад»²⁵.

Так, «не всецело праведный душой» Керсаспа является из преисподней и просит Заратустру о заступничестве. Но Ахура-Мазда сурово говорит: «Стань поодаль, о душа Керсасы! Ибо ты мерзостен в моих глазах: ты оскорбил моего сына — Огонь Ахура-Мазды!».

Выходит, огонь — священное творение бога зороастрийцев, он священная стихия, «так драгоценен перед лицом Ахуры, что грех Керсасы перевесил все его хорошие дела»²⁶.

Божеством-покровителем огня считался Артвахишт. Он посылал Огонь в помощь людям, когда они собирались варить пищу: огонь разжигал хворост под котлом и возвращался назад. Читатель помнит, что, когда Огонь опоздал к Гаршаспу (Керсаспу), уставшему и проголодавшемуся после битвы со змеем, он в гневе ударил Огонь палицей и затушил.²⁷ Бог сурово покарал Керсаспу. Этот миф позволяет понять смысл мотивированного почитания огня иранскими народами, в том числе и таджиками.

Вполне возможно и предположение о самосожжении как о добровольном самопожертвовании Богу, который получает жертву через запах горящего тела, уносимый в небо огнем. Не исключается и наследие давних мыслей и представлений о новой жизни после смерти, что, судя по всему, присуще больше женщинам, по своей природе обращенным как к миру («не-исламу»), так и к Богу Мира (кораническому Аллаху). Этот пример двоеверия/дву религиозности женщин наводит на мысль, что они живут не для этого мира, а для будущего, для загробной жизни. По нашему мнению, именно такое отношение к миру продолжает удерживать их во власти далеких еще доисламских представлений, которые и определяют основные параметры женского уклада (преимущественная обращенность на выполнение внутридомашних обязанностей) и женского восприятия *Себя и Природы*.

Культурный релятивизм, о котором говорилось выше, в значительной степени подтверждает эту точку зрения. Он оставляет за женщинами право самим распоряжаться своей жизнью.

Что касается мужчин (для поведения которых присущи преимущественная экстравертность, корпоративность), то они больше ориентированы на мир «каким он должен быть». Благодаря этому «их» религия обретает черты преимущественной однополярности, «очищенной» от доисламского наследия.

Краеугольным камнем этой религии является понимание греховности, а потому наказуемости на том свете самоубийства вообще и самосожжения в частности. Вера, религия не дают человеку права распоряжаться своей жизнью. По Н.Р. Гусевой, в индийском «памятнике VI–VIII вв. сказано, что тело самоубийцы надо измазать нечистотами, а его родственников оштрафовать и подвергнуть наказанию, указывается также, что нельзя оплакивать самоубийцу и что жертвоприношения на их поминках расхищают ракшасы».²⁸

Осуждается грех самоубийства и в христианском мире. Говоря о вариантах древнеславянского погребения (сожжении трупа, захоронении в земле), Д.К. - Зеленин пишет о таком его виде, как выбрасывание трупа в какое-либо пустынное место. Далее он поясняет, что это в основном трупы людей, умерших насильственной смертью, особенно самоубийц. По его свидетельству, таких покойников северорусские называли *заложные* (т.е. заложённые): их не закапывали, а оставляли на земле, прикрыв сучьями. Это было связано с представлением о «гневе земли», оскорбленной тем, что в ней оказался нечистый труп²⁹. «Поэтому, — отмечает Д.К. Зеленин, — в древние времена восточные славяне не хоронили заложных покойников в могилах, а оставляли их в глухих местах, чаще всего в оврагах и болотах»³⁰.

Сказанное поясняет, почему на Востоке факты суицида мужчин (для которых присуще понимание греховности добровольной смерти, в частности путем самосожжения) сравнительно редки, хотя в СМИ сообщалось о совершении, например, двумя курдами в ноябрьскую ночь 1998 г. самосожжения в Москве в знак протеста против ареста итальянскими властями главы Рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана. Суицид курдов был отмечен и в феврале 1999 г., когда Оджалан был схвачен турецкими властями и брошен в тюрьму.

Если говорить о других традициях, то на ум приходит судьба чешского юноши Яна Палача, подвергшего себя публичному самосожжению 30 лет тому назад, демонстрируя этим свой протест против ввода советских войск в Чехословакию. В печати сообщалось также о самосожжении в среде российских шахтеров из-за плохих условий жизни. Известен относительно недавний случай, когда группа российских рыбаков в порту шотландского города Абердин приготовила керосин для того, чтобы поджечь себя и траулер.

Эти примеры показывают существенные различия в мотивах самосожжения женщин и мужчин. Причины, толкающие представителей «сильного пола» на суицид в огне, скрываются в области групповых (корпоративных) интересов, они имеют экономическую или политическую подоплеку и поэтому носят публичный характер.

Каковы бы ни были мотивы самосожжения женщин, в этом их поступке скрывается образ страдающей богини, искупающей своей добровольной смертью в огне грехи живущих. В самосожжении находят отражение основные черты женского характера на Востоке, когда застенчивость женщины, ее безропотность, благодарность сочетаются с гордостью, хладнокровием, непоколебимостью и негибкостью. В этой последней ипостаси пугающая смерть для нее становится в некотором роде сродни забаве, а радости жизни теряют свою привлекательность.

Женское самосожжение не может рассматриваться иначе, как проявление религиозного порыва, как импульс искреннего смирения перед божеством, когда-то почитавшимся. Хочется думать, что этот феномен каким-то образом связан с общеизвестной практикой трупосожжения. За примерами трупосожжения далеко идти не нужно: эта традиция живет близ границ современного иранского мира — в Индии. Некоторые косвенные свидетельства позволяют предположить, что в обычае протоиранских племен и народов трупосожжение существовало.³¹ Р.Б. Пандей анализирует отмеченный выше индийский обычай *сати*, согласно которому в древности (до эпохи сутр) вдова должна была лечь на

погребальный костер вместе со своим мужем.³² Этот обычай Я. Гонда рассматривает как древний индоевропейский.³³ Автор исследования о древнеиндийских домашних обрядах указывает, тем не менее, что «обычай сати (самосожжения вдов) никогда полностью не исчезал и позднее снова ожил у некоторых племен и родов».³⁴ Н.Р. Гусева высказывает мнение, что в Индии самосожжение связано непосредственно с арийским культом Агни, оно не было свойственно доарийскому населению страны. В процессе слияния культов (арийского и доарийского) этот способ ритуального самоубийства распространился по всей Индии.³⁵

Отнюдь не исключено и то, что анализируемое явление ведет свое начало также от человеческих жертвоприношений. Дж. Фрэнгер достаточно много внимания уделяет существовавшей в прошлом практике принесения людей в жертву богам и сожжения их заживо во многих областях Европы.³⁶ Точка зрения этого исследователя такова: «Считалось, что чем больше будет подобных жертв, тем плодороднее будет земля».³⁷ Таким образом, обычай сожжения людей на костре и практика трупосожжения, известная в ряде районов мира, дают некоторое (пусть и косвенное) объяснение феномена самосожжения женщин в современной Центральной Азии. Они выбирают эту крайнюю меру, руководствуясь импульсом сознания о самопожертвовании богу Огня далеких предков, свет которого все еще продолжает освещать их мир.

В итоге я должен высказать предположение, что если насильственная и добровольная формы смерти женщин в огне и не производны от первоначального ритуального их сожжения, то каким-то образом с ним обязательно связаны. Завершая изложение, возвращаясь к функциям огня. Они были в центре внимания на протяжении предыдущих частей книги. Основываясь на изложенном в представленной главе, к выявленным функциям этой стихии можно добавить следующее: а) огонь как средство *ордали*; б) огонь как средство насильственной смерти женщин (ср. «охоту на ведьм», например, в Европе в XV–XVII вв.); в) огонь как средство ритуального убийства женщин; г) огонь как средство самоубийства женщин. Если суммировать перечисленные функции огня, то они могут быть сведены к формуле стража нравственной чистоты, преимущественно женщин.

***

1. *Мухамадиев Д.М.* Социально-демографическая, этническая и клиническая характеристики женщин-таджиков, совершавших аутоагрессивные действия путем самосожжения: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1998. С. 7.

2. *Айни Садриддин.* Куллиёт: Полное собрание сочинений. Дж. 6. Душанбе, 1962. С. 396.

3. *Мухамадиев Д.М.* Социально-демографическая, этническая и клиническая характеристики... С. 7.

4. *Адамова А.Г., Гюзальян Л.Т.* Миниатюры рукописи поэмы «Шахнаме»... Табл. 12. См. также изображение на обложке цитируемого издания.

5. Неизученность суицидального поведения и способов его реализации Д.М. Мухамадиев связывает с методологически неоправданными представлениями «о наличии корреляционной связи самосожжений с религией...» (*Мухамадиев Д.М.* Социально-демографическая, этническая и клиническая характеристики... С. 3). Это очень любопытное замечание. Оно в известной степени подтверждает мою позицию (см. далее) о мотивации выбора женщинами добровольной смерти в огне.

6. *Бойс М.* Зороастрийцы... С. 19.

7. *Фирдоуси. Шах-наме* / Изд. подготовили Ц.Б. Бану, А. Лахути, А.А. Стариков. М., 1957. Т. 1. От начала поэмы до сказания о Сохрабе. С. 207.
8. *Фирдоуси. Шахнаме* / Под. ред. Е.Э. Бертельса. М., 1960. Крит. текст. Т. 1. С. 200. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия).
9. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность академику РАН, профессору И.М. Стеблин-Каменскому, обратившему мое внимание на интересующий меня мотив в поэме Гургани.
10. *Фахр ад-Дин Горгани*. Вис ва Рамин. Таских-е М. Тодуа — А. Гвахарийа. Тегран, 1970. С. 200.
11. *Гургани Фахриддин*. Вис и Рамин / Пер. с перс. С. Липкина. М., 1962. С. 200.
12. Маздаизм (от имени верховного бога зороастрийцев Ахура-Мазды) — зороастризм.
13. *Миролюбов Ю.* Русский языческий фольклор... С. 31.
14. Наверное, было бы ошибкой думать, что спасение Саламана в поэме Джамии происходит из-за сочувствия к нему как к сильному и «значимому» полу. Дело, видимо, в том, что на Востоке выбор способа самоубийства у мужчин может быть любой, кроме огня; последний — «стихия» женщин (автору неизвестны случаи «повторения» среднеазиатскими мужчинами подвига малоазийского грека Герострата). Данный мотив, видимо, относится к категории международных сюжетов. Об этом говорит случай, связанный с жизнью христианского великомученика Феодора Стратилата: из-за отказа почитать идолов его палили огнем; но ночью к нему явился ангел и исцелил его. Как Феодора от гибели в огне спасает ангел, так и Саламана (практически таким же образом) спасает родной отец-правитель. Д.М. Мухамадиев при анализе способов самоубийства в разных странах подчеркивает, что в Средней Азии, в том числе в Таджикистане, для этой цели мужчины прибегают к самоповешению, а женщины — к самосожжению.
15. *Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Святой Георгий Победоносец. Образ св. Георгия Победоносца в России. СПб., 1995. С. 8–9.
16. Мифы древнего мира (По К.Ф. Беккеру). От Древней Иудеи до падения Римской империи. Симферополь, 1998. С. 44–45.
17. *Шуклин В.В.* Мифы русского народа. Банк культурной информации. Екатеринбург, 1995. С. 39. В этом же источнике сообщается, что в старину из тростника или иногда из соломы делали «Русалку». Ее наряжали, усаживали на носилки, «накрывали белой скатертью, сверху накидывали три по-праздничному вышитые полотенца. Наряженные участницы ритуала брали в руки «свечи» из того же тростника, и «похоронная процессия» проходила по селу. В ржаном поле «Русалку» раздевали, разбрасывали тростник (солому) по полям или сжигали (Там же. С. 94–95). Или: «В Купалу также изготовляли куклу <...>. В вечернее время Купалу сжигали, топили или разрывали на части» (Там же. С. 95).
18. *Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана... С. 163–164.
19. *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычай)... С. 200.
20. Любопытные детали этого обычая приведены в монографии Е.Н. Успенской (*Успенская Е.Н.* Раджпуты... С. 235–236).
21. *Zechenter M.E.* In the Name of Culture: Cultural Relativism and the Abuse of the Individual // *Journal of Anthropological Research*. 1977. Vol. 53. № 3. P. 328.
22. Гусева Н.Р. Славяне и арьи... С. 99–200.
23. ИЭС. С. 296.
24. *Рак И.В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана... С. 292.
25. Там же. С. 292–293.
26. Там же. С. 225.
27. Там же.
28. *Гусева Н.Р.* Славяне и арьи... С. 199.
29. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография... С. 352.

30. Там же. С. 353.

31. По этому вопросу необходимые примеры можно почерпнуть в монографии Ю.А. Шилова (*Шилов Ю.А. Прародина* ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995. С. 103–127).

32. *Пандей Р.Б.* Древнеиндийские домашние обряды... С. 200.

33. *Gonda J.* Change and Continuity in Indian Religion. L., P., 1965. P. 36.

34. *Пандей Р.Б.* Древнеиндийские домашние обряды... С. 201.

35. *Гусева Н.Р.* Славяне и арьи... С. 199.

36. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь... С. 608 и след.

37. Там же. С. 610.